

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БЕЗОСНОВАТЕЛЬНОСТИ ПРЕТЕНЗИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Михаил Агаджанян

Карабахский конфликт многоаспектен. Он затронул целый пласт проблемных вопросов в отношениях между армянским и азербайджанским этносами. С самого начала современной фазы карабахского конфликта, стартовавшей в конце 1980-х годов, его территориальный аспект занял одно из важнейших мест в общем срезе конфликтного противостояния, принимая на отдельных этапах гиперболлизированное значение. Этому способствовала не только специфика географического ареала, где, по оценкам некоторых экспертов, любой конфликт так или иначе имеет территориальное звучание, в своей основе содержит разное видение сторонами справедливого территориального разграничения, но и риторика внешних конфликту акторов. Множество раз со стороны внешних акторов было подчеркнуто, что решение конфликта может быть только политическим. Оставляя за рамками критики таких заявлений тот факт, что в любом этнополитическом конфликте, тем более протекающем в Кавказском регионе, не менее важны правовые, исторические, социо-культурные и другие аспекты его существа и развития, здесь лишь отметим тесную связь между акцентированием политического среза карабахского конфликта и выпячиванием территориальных аспектов противостояния.

Правовая составляющая карабахской проблемы всячески нивелируется не только азербайджанской стороной конфликта, но и такими влиятельными внешними акторами в его урегулировании, как, например, США и Евро-

*Эксперт Центра информации и общественных связей при Аппарате Президента Республики Армения.

пейский Союз. Последние, параллельно с этим, всячески политизируют карабахскую проблему¹.

Правовая папка конфликта не востребована на нынешнем этапе урегулирования, сама эффективность процесса урегулирования, которая может привести к некоему взаимоустраивающему все стороны конфликта результату, находится в прямой зависимости от таких политических понятий деятельности внешних сил, как интерес, влияние, проецирование мощи.

Эксперты по карабахскому конфликту, которые долгие годы были вовлечены в процесс его урегулирования, констатируют большую политизированность этого процесса и самой карабахской проблемы. Так, ими отмечаются четыре основных элемента политизированности конфликта, которые постоянно воздействуют на него: 1) глобальные и региональные интересы главных внешних сил и взаимоотношения между ними; 2) доминирующие тенденции в международных отношениях, которые, например, получают свой вид в повестках и решениях международных организаций (таких, как ООН и ОБСЕ); 3) политическая и экономическая ситуации у самих сторон конфликта; 4) дипломатические подходы, взгляды сторон конфликта, их способность наполнить мирный процесс содержанием².

¹ По мнению известных экспертов, в контексте распада СССР проблема в первую очередь была политизирована США. 19 ноября 1989 года Сенат США принял резолюцию по Нагорному Карабаху, в которой, в частности, указывалось: «Ввиду того, что 80% армянского большинства, проживающего в Нагорно-Карабахской автономной области, выражает обеспокоенность; ввиду того, что Советское правительство охарактеризовало убийство армян 28-29 февраля 1988 года в городе Сумгаите Азербайджана как погром; ввиду того, что первоначально народ и правительство Советского Союза пошли на позитивную меру - создание временного Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной области; ввиду того, что Комитет оказался не эффективным... содействовать в ходе двусторонних дискуссий с Советским Союзом справедливому урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха, которое действительно отражало бы взгляды народа этой области». Этой резолюцией Сенат США не только морально поддержал освободительную борьбу карабахцев, но и признал их право на свободное самоопределение. Спустя два года, осенью 1991 года, когда процесс распада СССР с точки зрения Запада приобрел необратимый характер и Нагорный Карабах выполнил роль своеобразного детонатора развала СССР, США объявили, что на постсоветском пространстве новые государства будут признаны в границах бывших союзных республик. Формула «содействовать... справедливому урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха, которая действительно отражала бы взгляды народа этой области» была забыта, хотя проблема осталась прежней.

В контексте распада СССР проблема была политизирована и заинтересованной в скором развале СССР Европой. Она и сегодня проявляет беспринципность в оценках предмета и характера конфликта. Вот два принятых в Европе диаметрально противоположных документа. Первый – это резолюция Европейского парламента от 21 января 1993 года. В ней не только выражается тревога в связи с трагическим положением «300 тысяч армян, насильственно изгнанных из Азербайджана», но и прямо указывается, «что полная блокада со стороны Азербайджана и возникший вследствие этого экономический кризис имеют целью втянуть Армению в вооруженный конфликт». Второй документ – это принятая 5 января 2005 года резолюция 1416 Парламентской ассамблеи Совета Европы. В ней преданы забвению сотни тысяч насильственно изгнанных из Азербайджана армян и констатируется, что «значительная часть территории Азербайджана по-прежнему оккупирована армянскими силами, а нагорно-карабахский регион все еще контролируется силами сепаратистов». (см. *Манасян А.С.*, Карабахский конфликт. Политико-правовые факты и аргументы, Ер.: «Де-Факто», 2009, с. 24-26).

² *Oskanian, Vartan.* Karabakh: War, Peace, or BATNA?, <http://www.civilitasfoundation.org/>. June 4, 2009.

Нынешние реалии вокруг конфликта свидетельствуют, что его политизация не может не сказываться негативным образом на эффективности процесса урегулирования, на определенном этапе которого правовая составляющая должна быть представлена, если не на превалирующей, то хотя бы на равноостребованной основе, рядом с политическими усилиями сторон конфликта и международных посредников.

Основа конфликта, с которой он фактически стартовал и пришел к своему настоящему этапу, – это статус Нагорного Карабаха, который должен быть определен, опираясь на международно признанное право народов на самоопределение. Формально говоря о необходимости равнозначного применения в процессе урегулирования конфликта всех трех относимых к нему принципов международного права – право народов на самоопределение, территориальная целостность государств и неприменение силы, – фактически внешние акторы проявляют политическую заинтересованность в сохранении «подвешенного» состояния конфликта, его неурегулированности, что дает им необходимые рычаги влияния в регионе конфликта и в соседних к нему регионах. Определение статуса Нагорного Карабаха рассматривается в политическом контексте соизмерения и сбалансирования интересов только двух сторон конфликта и внешних акторов, что с неизбежностью ведет к нивелированию роли армянского народа Нагорного Карабаха, который только и имеет право решать государствообразующие, конституирующие вопросы подобного характера.

Зачастую складывается впечатление, что международных посредников и основных внешних акторов вокруг карабахского урегулирования интересуют прежде всего территориальные вопросы в отрыве от правовой составляющей данных вопросов, а именно и прежде всего – передача контролируемых ныне НКР территорий Азербайджану и оставление НКР с де-факто государственностью, предоставив ей некий промежуточный статус на несколько лет вперед до проведения референдума о самоопределении в Нагорном Карабахе. Это абсолютно оторвано от долгосрочной перспективы урегулирования конфликта на прочной политико-правовой базе. Подобные подходы вызваны в первую очередь краткосрочным императивом политизированного свойства – отдать контролируемые НКР территории Азербайджану. В поверхностном политизированном понимании некоторых внешних

акторов «компромисс» – это передача семи районов бывшей Азербайджанской ССР нынешней Азербайджанской Республике взамен чего НКР будут предоставлены гарантии безопасности, и Республика Арцах будет пребывать в переходный период в состоянии де-факто государственности.

Углубленный взгляд в прошлое показывает, что внешние акторы зачастую упускали из своего поля зрения принципиальные моменты в становлении государственной независимости Нагорного Карабаха. На фоне более глобальных вопросов для крупнейших акторов на международной арене, например таких, как распад СССР, расширение Европейского Союза и Североатлантического Альянса, карабахский вопрос имел производный и ситуативный характер. Внешние акторы до сих пор обращаются к этому вопросу в ситуативном и сугубо политически опосредованном режиме, что не позволяет им рассмотреть глубинные основы права народа Нагорного Карабаха на построение собственной государственности.

Итак, карабахский конфликт максимально политизирован и в этом весьма весома роль внешних акторов, представленных в лице трех посредников, сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Разговоры о том, что есть противоречия между двумя основополагающими принципами международного права – правом народов на самоопределение и территориальной целостностью государств, - акцентирование и выведение на первые позиции в этапах урегулировании конфликта вопроса территорий, что, несомненно, уводит все урегулирование в деструктивную сторону, а именно переворачивает урегулирование с ног на голову, приступая к исправлению последствий конфликта без решения его причинных вопросов, есть ни что иное, как политизированность конфликта. Политизировать конфликт в максимальной степени – это значит максимально удалить во времени его справедливое, а значит и долгосрочное разрешение.

Заявления политического руководства Нагорно-Карабахской Республики по вопросу обоснованности претензий Азербайджана на защиту его территориальности целостности от Армении и Нагорного Карабаха¹ должны лечь на развернутую правовую аргументацию.

¹ Президент НКР: «Есть только одна территориальная целостность - это территориальная целостность НКР», <http://karabakh-news.com/4570-prezident-nkr-est-tolko-odna.html>, 10.05.2009.

Мы ни коим образом не претендуем данной работой на приближение к завершенности исследования, а лишь формулируем часть аргументационной базы в правовых терминах, которая, несомненно, нуждается в расширении, углублении и более детальном анализе.

***Безосновательность апелляций Азербайджана
к защите своей территориальной целостности***

Нагорный Карабах (Арцах), на территории которого государственную власть ныне осуществляет Нагорно-Карабахская Республика (НКР), является в географическом и историческом аспектах более широким понятием, чем бывшая Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО) и НКР, государственная независимость которой была провозглашена в январе 1992 года. В целом всю территорию нынешней НКР, где в соответствии со ст. 142 ее Конституции «До восстановления целостности государственной территории Нагорно-Карабахской Республики и уточнения границ публичная власть осуществляется на территории, фактически находящейся под юрисдикцией Нагорно-Карабахской Республики», можно считать территорией НКР в ее естественных исторических границах. В этих границах Нагорный Карабах, как историческая территория с преобладающим армянским населением и армянским самоуправлением, был противоправно аннексирован Азербайджаном в 1921 году на основе решения не государственной, а лишь партийной инстанции - Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 года.

После советизации Закавказья и включения Нагорного Карабаха в состав новообразованной Азербайджанской ССР (АзССР), руководству последней было поручено создать в Нагорном Карабахе автономную область с центром в городе Шуше. Создание Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК), само название которой уже говорило о том, что автономия создана лишь на части территории Нагорного Карабаха, было декларировано Декретом АзЦИК 7 июля 1923 года. При этом армянский народ Нагорного Карабаха был искусственно локализован на территории, равной лишь 31,5% от территории исторического Арцаха. Особенностью конфигурации границ АОНК было отсутствие учета не только этнического фактора, но и природно-ландшафтных рубежей и экономической целесообразности, крайняя изрезанность и извили-

стость границ. Глубокие азербайджанские клинья и анклавов врезались в территорию АОНК с целью расчленив единый ареал компактного проживания армян и уменьшить безопасность границ автономной области.

Исторически и географически площадь Нагорного Карабаха составляет 14 тысяч кв. км и включает в себя не только территорию Нагорно-Карабахской Республики, Лачино-Кельбаджарский регион, но и значительные территории Ханларского, Дашкесанского, Шамхорского, Кедабекского, Бардинского, Агдамского, Физулинского, Джебрильского, Зангеланского и Кубатлинского районов бывшей Азербайджанской ССР. Таким образом, при административном разграничении в 1920-е годы в Азербайджане границы автономной области были проведены так, что армянский Карабах, в течение тысячелетий непосредственно граничивший с остальными областями Армении, в начале имел только узкий коридор, соединяющий автономию с Арменией в районе Лачина, а потом и этот коридор был специально отторгнут от Нагорного Карабаха, чтобы последний не имел никаких границ с Арменией [1].

Согласно международному праву, Нагорный Карабах имеет полное право на самоопределение и восстановление территориальной целостности в своих естественных исторических границах.

Нынешние де-факто границы НКР есть результат многовековой борьбы армянского народа Арцаха за сохранение своей самобытности и реализацию права на самоопределение и распоряжение своей судьбой.

Реализация данного права армянского народа Нагорного Карабаха в виде построения собственного государства не затронула территориальную целостность Азербайджанской Республики (АР), так как НКР образовалась в своих нынешних де-факто границах по итогам широкомасштабной агрессии со стороны АР.

АР не имеет оснований ссылаться на нарушение своей территориальной целостности в виду двух главных причин.

Первое: совершение агрессии против армянского народа Нагорного Карабаха, приступившего в конце 1991 года к реализации своего законного права на построение собственной государственности не дает оснований АР выдвигать претензии в ущемлении своей территориальной целостности.

Во время национально-освободительных войн, при реализации народом своего законного права на создание собственной государственности может возникнуть ситуация, когда реализация данного права встречает силовое противодействие со стороны соседнего государственного образования. Такие его действия, препятствующие демократическому волеизъявлению народа, которое уже решило создать свою собственную государственность, можно оценивать как «агрессию внутри», тем более если существуют все необходимые для такого понимания фактические обстоятельства.

Азербайджанская ССР создана усилиями большевистской России и кемалистской Турции в 1920-е годы как многонациональное государственное образование, где государствообразующими нациями выступали турки-мусульмане или кавказские татары (нынешние азербайджанцы) и армяне (последние, из других национальностей республики, единственные, кто получили свое автономное образование в составе АзССР).

АзССР была создана как советская социалистическая республика мусульман (кавказских татар) и армян, подтверждением чему является и политическая мотивировка включения Нагорного Карабаха в административные границы АзССР в соответствии с решением Кавказского бюро РКП(б) от 5 июля 1921 г.: «исходя из необходимости установления мира между мусульманами и армянами». Кавказское бюро РКП(б) в 1921 году фактически признало армян и мусульман (кавказских татар) сторонами конфликта вокруг национально-государственного устройства Азербайджана, а, следовательно, источником и носителем этой советской формы государственности. В Декрете ЦИК АзССР «Об образовании Автономной Области Нагорного Карабаха» от 7 июля 1923 г. национально-государственное устройство АзССР определено как «единый государственный союз» мусульман и армян. В Декрете основной задачей советской власти провозглашается установление братского сотрудничества армян и мусульман «в едином государственном союзе», каковым должна была стать АзССР. Автономная Область Нагорного Карабаха, созданная на основе указанного Декрета ЦИК АзССР, приобрела форму советской государственности, что является подтверждением тезиса об изначально декларированном государствообразующем статусе армян АзССР, получившем объективацию данного статуса в виде создания своей националь-

но-государственной автономии в Нагорном Карабахе. В этом контексте, Нагорно-Карабахскую автономию можно считать главной формой политико-правовой защищенности государствообразующего статуса армян в АзССР¹.

В период общего распада СССР Азербайджан встал на путь построения собственного национального государства, независимого субъекта международных отношений и международного права.

Предшествующие этому события, которые разворачивались на территории нынешней АР, но имели место еще при существовавшем на тот момент фактически и юридически (де-факто и де-юре) едином Союзе ССР (1988-1990 гг.), с исключительной очевидностью показали всю неспособность вновь нарождающейся тюркско-азербайджанской государственности в лице одной из государствообразующих наций АзССР (азербайджанцев) к «мирному разводу» на основе норм действующего советского законодательства и международного права с другой государствообразующей нацией АзССР (армянами). Политические силы националистически-шовинистического характера возникающего нового Азербайджанского государства, которые в дальнейшем встали у руля власти в АР, спровоцировали, покровительствовали и непосредственно совершали насильственные акты массового характера по отношению к представителям армянского народа республики. Главной целью было физическое устранение армянского государствообразующего элемента из политико-правового пространства вновь создававшейся АР. Внутренняя агрессия была направлена по отношению ко второй по численности и по государствообразующей силе нации и нашла свое выражение в актах массовой насильственной депортации, сопровождавшейся самыми тяжкими преступлениями против человечности, а в определенных местностях наиболее компактного и политически значимого проживания армян были совершены спровоцированные и во многом спланированные властью акты геноцида. Совершение актов геноцида внутри какого-либо государственного образования по отношению к любой национальной, этнической,

¹ Внеэтнический характер АзССР был обусловлен не только многонациональностью Восточного Закавказья, не только тем, что кавказские татары не играли решающей роли в экономике края, в особенности в промышленности, где ключевые позиции были в основном в руках армян и русских, словом, не только социально-историческими обстоятельствами, но и особенностями ее этно-территориального устройства. АзССР включала территории, которые и исторически, и этнически были армянскими. (Манасян А.С., Карабахский конфликт: ключевые понятия и хроника, Ер.: «НОФ Норавак», 2005, с. 25).

расовой или религиозной группе данного образования, является очевидным признаком агрессивности государственной власти, проявленной «во внутрь себя», не выходя за рамки своих границ. Кроме всего прочего, если данные акты совершены по отношению к конкретной национальной группе, являющейся государствообразующим национальным элементом «государства-агрессора во внутрь», и преследуют конкретные политико-правовые цели по физическому устранению конкретной нации из государственных рамок создаваемой политической независимости, то очевидно, что агрессивная направленность воинствующего национализма должна привести или к полному физическому вытеснению (уничтожению) данной нации, или к образованию этой нацией на определенной части государства-агрессора собственно политического самоуправления, с дальнейшим самостоятельным выбором своего политического статуса. Собственная политическая независимость в виде отдельного государственного образования может быть создана там, где притесняемая и вытесняемая нация уже имела определенные, хотя и чисто символические государственные атрибуты власти (НКАО), где данная нация будет чувствовать себя в безопасности, обеспечиваемой союзными государствами и международным сообществом в целом, и где данная нация могла бы наладить свою дальнейшую мирную жизнь во всех сферах жизнедеятельности – создать эффективное, политически и социально-экономически состоявшееся демократическое государство.

Как отмечала группа специалистов международного права и международных отношений, представившая общественности в мае 2000 года экспертное заключение под названием *Меморандум «Нагорно-Карабахский кризис: план урегулирования»*, «до 1988 года практика нарушения прав человека Азербайджаном в том, что касается армянского народа, была печальной. В течение семидесяти лет существования СССР, правительство советского Азербайджана систематически проводило политику репрессий и изгнания карабахских армян из их исторической родины. За этот период армянское население Нагорного Карабаха сократилось с 95 процентов общей численности населения региона в 1926 году до 75 процентов в 1976 году. После возникновения карабахского движения за независимость в 1988 году нарушения прав человека в отношении армян Нагорного Карабаха усили-

лись, в том числе имели место погромы, депортации и другие зверства. Азербайджан начал блокировать поставки продовольствия, горючего в Нагорный Карабах, и эта блокада продолжается и поныне. Ввиду этих событий, лауреат Нобелевской премии мира Андрей Сахаров предостерег в ноябре 1988 года, что «армянский народ вновь сталкивается с угрозой геноцида» и что «для Нагорного Карабаха – это вопрос выживания, а для Азербайджана – просто вопрос амбиций». Поэтому, не обнадеживают перспективы гарантирования прав человека и предоставления карабахским армянам права осуществлять свое «экономическое, социальное и культурное развитие» под азербайджанским управлением даже при заверении Азербайджана предоставить им местную автономию... Подавляющее большинство населения в Нагорном Карабахе составляет единственную в своем роде группу со своим собственным правительством и силами обороны и исторической связью с этой территорией. То обстоятельство, что эта группа достигла де-факто независимости после голосования подавляющего большинства населения за отделение и после отпора вооруженному нападению подтверждает ее перспективы на независимое существование. Как следствие вооруженного конфликта нынешнее население Карабаха на 95 процентов состоит их армян, причем в остальные пять процентов населения входят русские, греки, азербайджанцы и татары. Правительство Нагорного Карабаха обеспечивает права национальных меньшинств и политическое участие в жизни государства этих и других этнических меньшинств, если они, возможно, захотят вернуться. Правительство Нагорного Карабаха выразило свою готовность установить двусторонние контакты с правительством Азербайджана по вопросам, касающимся возвращения беженцев и защиты прав меньшинств, а также по ряду других проблем, относящимся к их двусторонним отношениям... Международное право дает прочную основу для достижения Нагорным Карабахом независимости от Азербайджана»¹.

В период пребывания НКАО в составе АзССР, руководство последней проводило систематическую политику административно-территориальной манипуляции, затрагивающей интересы армянского населения автономной области. Так, при установлении административных границ НКАО, в кото-

¹ *The Nagorno Karabagh Crisis: A blueprint for Resolution*. A memorandum Prepared by the Public International Law and Policy Group, May 2000, <http://www.armeniaforeignministry.com/fr/nk/blueprint.html>.

рой армяне составляли 95 процентов населения, за ее пределами были оставлены части Нагорного Карабаха, выделенные в Шаумяновский и Наримановский районы АзССР, в которых даже спустя десять лет армяне составляли соответственно 91,4 и 69,3 процента¹. В апреле-августе 1991 годов армянское население этих районов было депортировано.

С международно-правовой точки зрения манипуляции с административно-территориальным делением, направленные на нарушение или разрушение политико-правовой обособленности территории самоуправляющегося народа (не говоря уже об автономиях), не могут иметь правовых последствий. Противоречат международному праву и не могут порождать правовых последствий действия, направленные на изменение демографической ситуации на самоуправляющихся или самоуправляющихся территориях, находящихся под чуженациональной государственной властью. Это неоднократно подтверждалось решениями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, принимавшимися в связи с действиями Израиля в Палестине и по некоторым другим вопросам.

При особо злостных проявлениях этой политики, действия, направленные на изменение демографической ситуации на подвластных государству автономных или самоуправляемых территориях, могут подпадать под действие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года и Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года. В качестве меры пресечения и предотвращения преступления геноцида и как форму политической ответственности государства за геноцид, международное право и международная практика предусматривают прекращение власти геноцидного государства над народом, ставшим объектом этого преступления [2].

Внутренняя агрессия АзССР в период 1988-1990 годов, когда армянское население было полностью вытеснено с территорий, которые впоследствии составили территориальную основу АР, нашла уже свое внешнее выражение в конце 1991 – начале 1992 гг., когда армянский народ Нагорного Карабаха подвергся крупномасштабному вооруженному нападению с применением всех имеющихся на тот момент в распоряжении АР наступательных вооружений.

¹ *Перепись населения Азербайджана 1931 года*. Выпуск II. Баку. Азернешр, 1932.

Нападения на армянский народ Нагорного Карабаха со стороны АР осуществлялись с применением военных средств неизбирального поражения, запрещенных международным гуманитарным правом¹, это были нападения на гражданские объекты и цели, на гражданское население в целом².

Международно-правовая составляющая трансформации внутренней агрессии Азербайджана по отношению к одной из двух государствообразующих наций АзССР во внешнюю агрессию уже по отношению к приступившему к реализации законного права на построение собственной государственности армянскому народу НКР указывает на следующее: АР была принята в состав ООН в период наибольшей активизации ее внешней агрессии по отношению к армянскому народу Нагорного Карабаха.

В Консультативном заключении «Условия приема государства в члены Организации Объединенных Наций (статья 4 Устава)» от 28 мая 1948 года Международный Суд ООН на основе анализа пункта 1 статьи 4 Устава ООН пришел к выводу, что пять перечисленных там условий выражаются в сле-

¹Международный Суд ООН в Консультативном заключении «Законность угрозы ядерным оружием или его применения» от 8 июля 1996 года определил некоторые «главные принципы» (*cardinal principles*), которые составляют основу гуманитарного права. Первый принцип направлен на защиту гражданского населения и гражданских объектов и устанавливает различие между комбатантами и некомбатантами; государства никогда не должны избирать гражданских лиц в качестве объекта нападения и, следовательно, никогда не должны применять оружие, которое не дает возможности проводить различие между гражданскими и военными целями. При осуществлении второго принципа государства не пользуются неограниченной свободой выбора применяемого оружия. (*Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996, para. 78).

Данные принципы закреплены в Дополнительном протоколе I, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года, ряд положений которого касается средств и методов ведения войны. Статья 35 Дополнительного протокола I указывает, что право сторон в вооруженном конфликте выбирать методы и средства ведения войны не являются неограниченными. Статья 35 запрещает: «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания»; «применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде» (части 2 и 3 соответственно). Статья 51 Дополнительного протокола I запрещает применение таких средств и методов ведения военных действий, которые поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия.

²Началом необъявленной прямой военной агрессии и массового неизбирательного применения тяжелой техники и вооружения АР против мирного населения НКР можно считать дату 25 сентября 1991 года. В этот день со стороны Шуши был обстрелан ракетами «Алазань» населенный пункт Карин Так Шушинского района. В тот же день начался обстрел ракетами «Алазань» Степанакерта. По городу было выпущено 7 ракет. Вечером того же дня 2 гражданских вертолета Азербайджана забросали гранатами Степанакерт, а также села Шош и Карин Так. В те же часы из азербайджанонаселенного селения Ходжалу начался обстрел ракетами «Алазань» райцентра Аскеран и села Норагюх Аскеранского района. Вечером 25 сентября из Шуши возобновился артиллерийский обстрел села Шош, а примерно через час огонь был перенесен на Степанакерт. В тот же день интенсивному обстрелу подверглось село Кичан Мардакертского района. 25 сентября, в течение всего дня ракетами «Алазань» обстреливались села Карачинар и Манашид Шаумянского района. Начиная с августа 1992 года, Азербайджан стал применять запрещенные международными конвенциями так называемые «шариковые авиабомбы», рассчитанные на уничтожение мирного населения. Так, 31 августа на Степанакерт было сброшено двадцать «шариковых авиабомб», в результате чего погибли 16 человек, ранения различной степени тяжести получили 121 человек. (См подробнее: *Мелик-Шахназарян Л.* Военные преступления Азербайджана против мирного населения Нагорно-Карабахской Республики. Ереван, 1997).

дующем: государство-кандидат в члены ООН 1) должно представлять собой государство; 2) быть миролюбивым; 3) должно принять на себя обязательства по Уставу; 4) должно быть способно выполнять эти обязательства; 5) должно желать сделать это. По Консультативному заключению Суда выражение «прием в члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств» означает, что государства, которые выполняют данные требования, обладают качествами, необходимыми для приема. В целом, условия для приема государств в члены ООН, по заключению Суда, являются исчерпывающими и не устанавливаются лишь с помощью информации или примера. Они представляют собой условия не только необходимые, но и достаточные. Из исчерпывающего характера статьи 4 не следует, что устраняется сама оценка таких фактических обстоятельств, при которых становится возможной проверка наличия необходимых условий. Эта статья не запрещает учитывать любой фактор, который можно разумно и добросовестно связать с установленными условиями. Учет подобных факторов подразумевается самим характером условий, отличающимся широтой и гибкостью. Иначе говоря, ни один соответствующий политический фактор, связанный с условиями приема государства, не исключается [3].

В соответствии со статьей 4 Устава ООН 1945 года «Прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять». Признак «миролюбивости» по отношению к Азербайджану образца 1992 года отсутствует, поскольку к моменту принятия АР в ООН (2 марта 1992 года) имели место следующие, исходя на терминологии вышеуказанного Консультативного заключения Международного суда ООН, «фактические обстоятельства, при которых становится возможной проверка наличия необходимых условий»:

1. 6 января 1992 года, на основании итогов референдума от 10 декабря 1991 года, принята Декларация парламента НКР о государственной независимости – 25-26 января того же года атака на село Карин. Так азербайджанских военных подразделений во главе с министром обороны АР Таджаддином Мехтиевым;

2. 19 февраля 1992 года обращение Верховного Совета НКР в адрес Генерального секретаря ООН и глав государств - постоянных членов Совета Безопасности ООН, призывающее предпринять меры для пресечения вооруженной агрессии АР против НКР и прекращения ракетно-артиллерийских обстрелов мирных населенных пунктов Республики – 25-26 февраля того же года организация вооруженными подразделениями Народного фронта Азербайджана (НФА) «Ходжалинской провокации» для внутривнутриполитического накала в АР¹. «Миролюбивые силы» НФА организовали расстрел собственного населения при Ходжалу для прихода к власти и уже в дальнейшем, после смещения в результате провокации президента АР А. Муталибова, как ведущая политическая сила Азербайджана, представляли его интересы в ООН.

«Приверженность» АР «миролюбивости» сохранилась и после вступления в ООН: 26 марта 1992 года ООН определила форму своего участия в урегулировании карабахского конфликта в виде поддержки усилий СБСЕ (с 1995 года – ОБСЕ) – 10 апреля того же года азербайджанская армия занимает село Марага Мардакертского района и учиняет резню мирного населения².

Признак «миролюбивость», то есть приверженность принципу *jus cogens* современного международного права (императивной норме общеобязательного характера для всех государств), отмеченному в части 3 статьи 2 Устава ООН³, не был присущ нынешней АР. С 1991 года, с момента провозглашения своей независимости и до сегодняшнего дня, АР осуществляет все действия, которые являются полной противоположностью миролюбивости и приверженности принципу международного права по пункту 3 статьи 2 Устава ООН (последовательно: блокада Армении и Нагорного Карабаха и начало прямых военных действий против НКР, срыв договоренностей по прекращению огня, «снайперская война» на линии соприкосновения с Нагорным Карабахом, использование всех средств антиармянской пропаганды).

¹ Об ответственности политических сил Азербайджана за трагедию в Ходжалу см. подробнее: *Demoyan H., Melik-Shahnazaryan L. Khodjalu Case: A Special Dossier*, Yerevan, 2004.

² О трагедии в селении Марага см. подробнее: *Cox C., Eibner J. Ethnic Cleansing in Progress: War in Nagorno-Karabakh*. London: Institute for Religious Minorities in the Islamic World, 1993.

³ «Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость».

В связи с указанным, можно провести связь между заключением 5-го комитета Лиги Наций в 1920 года и действующими критериями принятия нового государства в состав ООН. Тогда комитет Лиги Наций выразил сомнение в возможности и способности Азербайджана брать на себя международные обязательства и давать гарантии в связи с членством в Лиге Наций. Заключение 5-го комитета Лиги Наций от 1920г.¹, сохранили свою актуальность и поныне.

Агрессивная политика сперва АзССР, а потом и АР нашла свое выражение не только в виде непосредственно репрессивных действий по отношению к соответственно собственным гражданам-армянам и армянскому народу Нагорного Карабаха, но и в таких вопросах, как не предпринятие необходимых на тот момент правовых действий, с помощью которых можно было бы избежать военной эскалации карабахского конфликта. Вместо того чтобы после декларации о собственной независимости от 30 августа 1991г., вслед за которой адекватно, в политическом и правовом смысле, последовала Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики от 2 сентября 1991г., приложить усилия для совместного с НКР ввода конфликта в конструктивное русло урегулирования, АР уверенно взяла на вооружение курс по его максимально возможной эскалации. АР могла бы прибегнуть к правовым средствам разрешения конфликта, например, путем способствования проведению референдума по статусу Нагорного Карабаха, но вместо этого она развязала войну с НКР².

Можно с уверенностью сказать, что армянский народ Нагорного Карабаха тогда подвергался откровенно агрессивным действиям со стороны

¹ «У Азербайджана много проблем с соседними государствами в связи с прохождением государственных границ» (*League of Nations: Journal № 17 of the First Assembly, Geneva 1920. p. 139*).

² Факт уклонения АР от мирного решения карабахского вопроса был отмечен в известном выступлении будущего Президента Республики Армения С. Саргсяна на парламентских слушаниях в Национальном Собрании страны (март 2005 года). С. Саргсян отметил, что «в конце 1991 года сложились реальные юридические и политические предпосылки для мирного разрешения «внутреннего немеждународного вооруженного конфликта» между народом Карабаха и прекратившими свое существование властями СССР и АзССР. Однако последующее военное противодействие АР национально-государственному становлению НКР не позволило этому историческому шансу миротворчества реализоваться. Именно неиспользование властями АР данной уникальной возможности стало причиной трансформирования «внутреннего немеждународного вооруженного конфликта» в «международный вооруженный конфликт» между двумя равноправными вновь образовавшимися государствами – НКР и АР. Более того, сделав ставку на подавляющее превосходство в военной технике и вооружении, Азербайджан предпринял ряд широко-масштабных боевых действий, в ходе которых было депортировано все население Геташенского подрайона (1991 год) и Шаумяновского района (1992 год), значительная часть населения Гадрутского (1991 год) и большей части Мардакертского (1992 год) районов, подверглись массированным огневым ударам мирные города и села» (*Проблема Нагорного Карабаха: пути урегулирования // Сборник материалов парламентских слушаний 29–30 марта 2005, Национальное Собрание РА, Ереван, 2006*).

Азербайджана, когда он определял ориентиры своего государственного строительства и начинал институционально структурироваться в соответствии с этими ориентирами. Так было и после 1 декабря 1989г., когда Армянская ССР и Нагорно-Карабахская автономная область решили воссоединиться в единую Армению¹, что отразилось на всем армянстве Советского Азербайджана, которое испытало после этого заключительную волну этнических чисток на территории этой союзной республики (бакинские погромы в середине января 1990г.), так было и после 2 сентября 1991 года, когда Азербайджан приступил к реализации тотальной военной кампании на государственном уровне по недопущению существования Нагорно-Карабахской Республики.

Второе: АР отказалась быть правопреемницей АзССР, на территории которой образовались две государственные единицы – НКР и АР.

Утверждая правовое преемство не с АзССР, а с Азербайджанской демократической республикой 1918–1920гг., Азербайджан отказался от советского правового наследства и признал себя преемником прав и обязанностей Азербайджанской демократической республики, которая существовала с 28 мая 1918 года по 28 апреля 1920г.

18 октября 1991г. Азербайджан принял Конституционный Акт о государственной независимости, которым провозгласил официальный выход из состава СССР и охарактеризовал установление советской власти в Азербайджане в следующей неправовой последовательности: «Вторжение 27-28 апреля 1920г. 11 армией РСФСР в Азербайджан, аннексия территории республики, свержение Азербайджанской Демократической Республики – субъекта международного права – являются оккупацией Россией независимого Азербайджана» (ст. 1).

Отказавшись от советского правового наследства, Азербайджан потерял правовые основания притязать на всю территорию бывшей АзССР, границы которой с 1921 по 1991 годы были установлены в соответствии с советским законодательством и международными договорами от лица СССР или международными договорами, где стороной выступал Советский Азер-

¹ На основе данного решения 20 мая 1990г. были проведены выборы в Верховный Совет Армянской ССР, в которых участвовало и население НКАО (на территории области было открыто 11 избирательных участка). В Верховный Совет (парламент) Армении тогда были избраны и представители от НКАО.

байджан, то есть в период действия советского законодательства. Претензии АР на восстановление своей территориальной целостности беспочвенны вне советского правового преемства.

С 1991г., т.е. после того как Азербайджан отверг советское правовое наследство, международный субъект, к которому перешли территории с 1921г., прекратил свое существование. Таким образом, отклоняя правовое преемство с АзССР 1920–1991гг., современная Азербайджанская Республика лишилась всех претензий на территории, перешедшие к Советскому Азербайджану в июле 1921г., а именно Нагорный Карабах.

Государство не может требовать защиты целостности территории, на которую не имеет надлежащего правового титула.

Принятие АР в члены ООН в 1992г. не означает, что тем самым АР была признана со стороны международного сообщества в границах бывшей АзССР. Акт принятия государства в состав любой международной правительственной организации, в том числе и в ООН, не является актом признания его границ. Государство принимается в ООН без издания акта о признании его в определенных границах и тем более без упоминания конкретных пределов таких границ. Определение границ любого государства происходит преимущественно в двустороннем порядке (с каждым соседним государством, путем делимитации и демаркации), а в исключительных случаях (в первую очередь, после войн) с привлечением третьих стран и международных организаций в качестве арбитров или в условиях созыва международных конференций, принимающих акты по новым границам между государствами.

Рассматривая «Дело, касающееся территориального спора (Ливийская Арабская Джамахирия / Чад)», в своем решении от 3 февраля 1994г. Международный Суд ООН еще раз подтвердил, что установление границы зависит от желания непосредственно заинтересованных государств. Ничто не мешает сторонам путем взаимного соглашения принять решение о признании определенной линии в качестве границы независимо от предыдущего статуса этой линии. Если это уже была территориальная граница, то она просто подтверждается. Если ранее эта линия не была территориальной границей, то соглашением между сторонами о «признании» ее в качестве таковой она наделяется законной силой, которую не имела прежде. Международные

конвенции и прецедентное право свидетельствуют о различных способах выражения такого признания [4].

НКР несет такую же ответственность, на нее распространяются такие же права и обязанности по последствиям вооруженного конфликта 1991-1994гг., как и на другие стороны бессрочного Соглашения о прекращении огня, заключенного в мае 1994г. Более того, порядок подписания данного Соглашения свидетельствует о наличии оснований для оценки роли НКР в данном Соглашении как решающей и незаменимой, так как представитель НКР поставил свою подпись под Соглашением после того, как оно уже было подписано со стороны АР и РА (Соглашение было подписано представителем АР 9 мая, представителем РА 10 мая, представителем НКР 11 мая 1994г.).

Любое дальнейшее определение и правовая фиксация в соответствие с нормами международного права границ между НКР и АР должны происходить в двустороннем формате переговоров между двумя государственными образованиями, возникшими на территории бывшей АзССР – Нагорно-Карабахской Республикой и Азербайджанской Республикой.

При этом в основу своей переговорной позиции НКР вкладывает понимание того, что территориальная целостность АР по результатам ей же самой развязанной военной агрессии против армянского народа Нагорного Карабаха не может считаться нарушенной ни с точки зрения международного права (1), ни с позиций действовавшего в период государственного образования НКР и АР норм советского конституционного права (2).

(1) Отношения, связанные с территориальным разграничением соседних государств, регулируются совокупностью принципов равноправия и самоопределения народов, территориальной целостности (территориальной неприкосновенности), отказа от применения силы, урегулирования споров исключительно мирными средствами и другими основополагающими принципами и нормами международного права.

Если принципы нерушимости границ или территориальной целостности государства рассматриваются как международно-правовые, а не политические принципы, то они должны применяться для защиты территории, которую государство приобрело и которой государство владеет на основании международного права. Данный принцип не может применяться для при-

своения территорий, которые государство захватило силой, не имея соответствующих прав и правооснований.

Смысл, вложенный международным правом в принципы территориальной целостности государства и нерушимости его границ, заключается в защите от внешних посягательств на территории, на которые оно имеет полноценный международно-правовой титул или, говоря иначе, территории, которую государство приобрело и сохраняло в соответствии с нормами международного права от посягательств других государств.

Ни нормативный материал, ни международная практика не рассматривают как нарушение территориальной целостности государств или нерушимости границ участие в территориальном споре или заявление территориальных претензий, если государство основывает это на международном праве и не выходит за рамки мирного урегулирования. Если территориальная претензия основана на международном праве, то именно отказ от мирного урегулирования означал бы отрицание самой идеи права. Негодование, выражаемое некоторыми государствами по поводу предъявляемых им территориальных претензий, обычно бывает связано с отсутствием у них полноценных международно-правовых титулов на спорную территорию.

Допущение территориальных претензий не означает, конечно, пересмотра всех границ, созданных насильственно в нарушение норм международного права или на отживших правооснованиях - покупке населенных территорий, завоеваний и прочее. Такие границы презюмируются имеющими юридическую силу, если они не противоречат праву затрагиваемого народа на самоопределение и если не возникает территориальный спор, подлежащий урегулированию [2, с. 391].

Устав ООН, Заключительный акт СБСЕ и содержащаяся в нем Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Пакты о правах человека и ряд других основополагающих международно-правовых актов, формулируя право на самоопределение как «право народов определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства

извне», прямо и однозначно подтверждают, что этим правом обладают все народы, без какого бы то ни было ограничения и всегда, т.е. независимо от своего статуса или каких бы то ни было условий.

Определяя соотношение между территориальной целостностью государств и самоопределением народов, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН прямо указывает, что территориальная целостность государств должна основываться на самоопределении народов и, следовательно, осуществление права самоопределения народами не может рассматриваться как расчленение, как частичное или полное нарушение территориальной целостности независимых и суверенных государств, как посягательство на нерушимость их границ. Международное право защищает территориальную целостность только тех государств, чьи границы основаны на самоопределении народов [2, с. 392].

В этом отношении Декларация о принципах международного права 1970г. содержит толкование аспектов соотношения принципов самоопределения и территориальной целостности государств, так называемую «предохранительную клаузулу» (*Saving Clause*), которая защищает государства от необоснованных сепаратистских поползновений. «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению и к частичному или к полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» (*Декларация о принципах международного, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций*, 24 октября 1970г.).

Видные специалисты Армении по международному праву отмечают, что из приведенной нормы вытекают три условия, при наличии которых недопустимо самоопределение, нарушающее территориальную целостность

государства: 1) государство должно «соблюдать в своих действиях принцип равноправия и самоопределения»; 2) государство должно «вследствие этого иметь правительства, представляющие весь народ... проживающий на данной территории»; 3) при этом не должно проявляться какой-либо дискриминации. Только при соблюдении всех этих условий приоритет должен быть отдан сохранению единства государства, в противном случае оно может быть поставлено под сомнение. И хотя таких условий три, основным из них, детерминирующим остальные, является, пожалуй, первое условие. Оно содержит ключ к пониманию более широкой перспективы, связанной с вопросами самоопределения и международно-правовой сущности современного государства. Ведь «соблюдение государством в своих действиях принципа равноправия и самоопределения народов», которое конкретно может выражаться, например, в проведении в соответствующих случаях плебисцитов (референдумов), означает, прежде всего, безусловное признание за всеми народами права на самоопределение, в том числе и теми народами, которые входят в состав этого государства. А существование государства, вернее, сохранение его единства при таком признании означает только одно - это государство является выражением и продуктом самоопределения всех народов, проживающих на его территории. То есть государство только тогда может «соблюдать в своих действиях» принцип самоопределения народов, когда оно само является результатом, продуктом такого самоопределения¹.

Такое понимание содержания принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государств, их соотношения друг с другом и другими принципами международного права было вновь подтверждено Венской декларацией и Программой действий, принятой Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993г. Значение этой констатации тем более ценно, что оно сделано в контексте основных прав человека и тем самым отвергает попытки противопоставления прав человека правам народов: «... Всемирная конференция по правам человека признает право народов предпринимать любые законные действия, в соответствии с Уставом Объединенных Наций, для реализации своего неотъемлемого права на самоопределение. Всемирная конференция по правам человека рассматривает отказ в праве на самоопределение как нарушение прав человека и под-

¹ Виген Кочарян: *Право на самоопределение в современном международном праве*, <http://www.regnum.ru/news/1240480.html>, 03.01.2010.

черкивает необходимость эффективного осуществления этого права» (пункт 2 Части 1 Венской декларации и Программы действий 1993г.).

С позиций правового толкования «предохранительной клаузулы», значительный интерес представляет решение Верховного Суда Канады, касающееся определенных вопросов по сецессии Квебека от Канады 1998г. В своем решении высшая судебная инстанция Канады постановила, что «государства, чьи правительства представляют весь народ в пределах их территории на основе равенства и без дискриминации, и которые уважают принципы самоопределения по своим внутренним установлениям, уполномочены на защиту своей территориальной целостности по международному праву» [5].

Таким образом, поскольку в международном праве принцип территориальной целостности государства обусловлен принципом самоопределения народов, Азербайджан не может противопоставлять свое право на территориальную целостность праву армянского народа Нагорного Карабаха на самоопределение в любой его форме.

Признание права народов на самоопределение как высшего правового основания владения и распоряжения территорией государством, и, следовательно, определения его границ нашло соответствующее отражение не только в многосторонних актах, формулирующих общую норму, но и в межгосударственных договорах, решениях международных организаций и в решениях Международного суда ООН в связи с конкретными случаями.

В своем решении по «Делу, касающемуся Восточного Тимора (Португалия против Австралии)» от 30 июня 1995г. Международный Суд ООН подтвердил следующее мнение, сославшись при этом на свои предыдущие решения: «... утверждение Португалии, что право на самоопределение, вытекающее из Устава и практики Организации Объединенных Наций, имеет характер *erga omnes*¹, является безупречным. Принцип самоопределения народов признан в Уставе ООН и в практике Суда; он является одним из основополагающих принципов современного международного права» [6].

¹ Ответственность государств за серьезные нарушения норм международного права выражается в формуле международного права – «обязательства *erga omnes*». При определении понятия обязательств *erga omnes* традиционным является обращение к решению Международного Суда ООН по делу «Барселона Трэкшн» 1970 года, в котором Суд, в частности, отметил, что «необходимо отличать обязательства государства перед международным сообществом в целом от обязательств, возникающих перед другим государством в сфере дипломатической защиты. В силу своей природы первые имеют значение для всех государств. Исходя из важности данных прав, за государством может признаваться наличие юридического интереса в их защите, они являются обязательствами *erga omnes*». (*Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited*, ICJ Reports 1970, para. 33).

Можно также упомянуть Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о Западной Сахаре от 16 октября 1975г., в котором Суд в своей аргументационной базе часто ссылался на принцип права народов на самоопределение в контексте установления правовой связи государства с территорией в соответствии с принципами и нормами международного права [7]. Помимо этого, Суд в Консультативном заключении по делу о Западной Сахаре подтвердил следующую общую норму международного права, затрагивающую вопрос законных способов мирного приобретения суверенитета над территорией: «В праве «заяние» территории является средством мирного приобретения суверенитета над территорией иным образом, помимо цессии или правопреемства» [7, пара. 79].

В соответствии с Декларацией принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, Заключительного Акта СБСЕ 1975г. определены правовые принципы изменения существующих границ: «границы могут изменяться, в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности».

Территория Нагорного Карабаха де-юре Азербайджану никогда не принадлежала. Азербайджан не может указать на существование какого-либо действующего договора с соседней Арменией или на какой-либо другой юридически действительный международно-правовой акт, которым устанавливались бы или признавались бы права Азербайджана на Нагорный Карабах. Единственный документ, которым обосновывалось включение Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР, а именно решение Кавказского бюро ЦК РКП(б) - партийного органа Советской России, являющейся третьей стороной, никогда не имел и не мог иметь юридической силы. Даже если не считаться с самыми элементарными нормами международного права и допустить, что это решение имело юридическую силу, то и в этом случае Азербайджан не мог бы сослаться на него, поскольку нарушил его существенное условие, ликвидировав автономию НКАО, и поскольку решение Кавбюро ЦК РКП(б) было официально признано недействительным самим Азербайджаном, а не только Арменией [2, с. 435].

Объявление решения Кавбюро ЦК РКП(б) несуществующим и не имеющим юридической силы самим бенефициарием - Азербайджаном пол-

ностью восстановило, а точнее, подтвердило правовую ситуацию, существовавшую до 1921г., а именно: завершение спора добровольным отказом Азербайджана от своих территориальных претензий в пользу Армении¹ или, как минимум, признанием права армянского народа Нагорного Карабаха на свободное и полное самоопределение².

(2) Территориальная целостность Азербайджана не может считаться нарушенной и с точки зрения конституционного права СССР.

Во-первых, потому, что принцип самоопределения народов был конституционным принципом, заложенным в основу национально-государственного устройства СССР. Соотношение и взаимодействие этих двух принципов международного права должны подчиняться предписаниям международного права - высшей в иерархии систем права.

К примеру, частями 3 и 4 статьи 1 Закона СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» от 26 апреля 1990 года было закреплено, что «Автономные республики, автономные образования входят в состав союзных республик на основе свободного самоопределения народов, обладают всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов полномочий, переданных ими в ведение Союза ССР и союзных республик. Отношения автономных республик, автономных образований с союзными республиками, в состав которых они входят, определяются соглашениями и договорами, заключаемыми в рамках Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик и настоящего Закона». Частью 3 статьи 3 того же Закона предусматривалось, что «Территориальные споры между союзными республиками, союзными и автономными республиками, автономными образованиями, по которым соглашение между ними не было достигнуто, могут передаваться по взаимному согласию для решения Совету Национальностей Верховного Совета СССР». Таким образом, действовавшее на тот момент советское конституционное законодательство исходило и опи-

¹ В Обращении председателя Ревкома Н. Нариманова и народного комиссара по иностранным делам Советского Азербайджана М. Гусейнова о ликвидации территориальных споров с Арменией и о признании Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевана составной частью Советской Армении от 30 ноября 1920г. указывалось: «С сегодняшнего дня объявляются ликвидированными споры о границах между Арменией и Азербайджаном. Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван считаются частью Армянской Социалистической Республики». (Газета «Коммунист» (Ереван) 7 декабря. 1920 г.; «Вестник архивов Армении», 1989, № 2, док. № 1, с. 68).

² В Декларации Советского Азербайджана об отказе от территориальных претензий к Армянской ССР от 30 ноября 1920г. указывалось: «Трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения» (Газета «Коммунист» (Баку), 2 декабря 1920 г.; газета «Коммунист» (Ереван), 2 декабря 1920 г.; «Вестник архивов Армении», 1989, № 1. с. 124-125).

ралось на принципы и нормы международного права, затрагивающие вопросы свободного самоопределения народов и урегулирования территориальных споров мирным путем, на основе взаимного согласия.

Во-вторых, чтобы сослаться на нормы конституционного права СССР в поддержку своей территориальной целостности, Азербайджану следовало самому уважать и соблюдать эти положения.

Необходимо обратить внимание на следующий правовой аспект, проявивший себя в момент провозглашения Азербайджанской Республики и Нагорно-Карабахской Республики в качестве равноправных государственных субъектов на территории бывшей Азербайджанской ССР. В отличие от Азербайджанской Республики, отказавшейся фактом провозглашения своей независимости от правового наследия АзССР и считающей своей предшественницей существовавшую в 1918-1920-х годах Азербайджанскую демократическую республику, Нагорно-Карабахская Республика своей Декларацией от 2 сентября 1991г. провозгласила образование НКР, но не выход из правового пространства Союза ССР и тем более не выход из этого Союза, который де-юре еще продолжал свое существование на тот момент¹. Провозглашение независимости НКР было декларировано 6 января 1992г. На этом безупречном правовом фоне действий НКР на пути последовательной реализации каждого из этапов демократического провозглашения собственной государственной независимости, Азербайджан актами от 30 августа и 18 октября 1991г. объявил о своей независимости и о недействительности для себя продолжающих действовать законов СССР в момент еще де-юре существования Союза. НКР же, напротив, до 10 декабря 1991г., дня проведения референдума о независимости, то есть до момента, когда стало ясно, что Союз ССР де-юре прекращает свое существование, продолжал считать для себя обязательными законы единого государства. Учитывая это, правильнее считать АР, сепаратистским образованием на территории бывшей АзССР, самопровозгласившим себя в качестве независимого государства в нарушении действовавших на тот момент правовых норм.

¹ В Декларации о провозглашении НКР закреплено, что принимающие данную Декларацию представители народа Нагорного Карабаха «основываются на действующей Конституции и законах Союза ССР, предоставляющих народам автономных образований и компактно проживающим национальным группам право на самостоятельное решение вопроса о своем государственно-правовом статусе в случае выхода союзной республики из СССР», а также то, что «на территории Нагорно-Карабахской Республики до принятия Конституции и законов НКР действуют Конституция и законодательство СССР, а также другие ныне действующие законы, которые не противоречат целям и принципам настоящей Декларации и особенностям Республики».

Заключение

На самом высоком уровне армянская сторона выдвигала и продолжает выдвигать политико-правовые аргументы в обоснование законосообразного создания в 1991г. на территории бывшей АзССР двух равноправных государств – НКР и АР, из которого вытекают другие объективные положения, в частности, указывающие на бесосновательность апелляций АР в защиту своей территориальной целостности в каком-либо контексте, имеющем отношение к НКР и, тем более, к Армении. Важно отметить, что помимо последовательного озвучивания подобной аргументации армянской стороной на самом высоком уровне, прослеживается также и определенная преемственность аргументационной позиции. Так, в своем известном выступлении на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы 23 июня 2004г. Президент Республики Армения Р. Кочарян отметил: «Прежде всего: Карабах никогда не был частью независимого Азербайджана. В момент распада Советского Союза возникли два государства: Азербайджанская республика на территории Азербайджанской Советской Социалистической Республики и Республика Нагорный Карабах на территории Нагорно-Карабахской автономной области. Оба этих государства создавались на одинаковой законодательной основе. Следовательно, территориальная целостность Азербайджана не имеет ничего общего с Нагорно-Карабахской Республикой. Мы готовы обсуждать вопрос урегулирования конфликта в юридической плоскости. Второе: война 1992-1994гг. возникла в результате агрессии азербайджанских властей, которые пытались осуществить этническую чистку территории Нагорного Карабаха с целью ее аннексии. Существующая сегодня ситуация – это результат беззаветной борьбы армян Нагорного Карабаха за выживание на своей собственной земле. Это – классический пример как претворения в жизнь права народа на самоопределение, так и извращения концепции «территориальной целостности» в целях оправдания этнической чистки»¹.

В своем выступлении на парламентских слушаниях в Национальном Собрании Республики Армения в марте 2005г. будущий президент Серж Саргсян развернуто представил соответствующие аргументы по вопросу «территориальной целостности Азербайджана»: «В начале декабря 1991г. на

¹ *Address by Robert Kocharian, President of Armenia, Strasbourg, 23 June 2004, http://www.coe.int/t/e/com/files/pa-sessions/june-2004/20040623_disc_kocharian.asp#TopOfPage.*

конституционных началах, под контролем международных наблюдателей в НКАО был проведен референдум по вопросу провозглашения независимости Нагорного Карабаха, образования НКР и формирования легитимных властей НКР. В октябре 1991г. была образована Азербайджанская Республика, а в декабре 1991г. был упразднен СССР. Таким образом, в результате конституционного волеизъявления на территории бывшей АзССР образовались два независимых равноправных государства – НКР и АР, и отношения административно-политической подчиненности народа, территории и властей НКР к впоследствии упраздненным как АзССР, так и СССР были за-коносообразно прекращены. В итоге народ Нагорного Карабаха в соответствии с действовавшим законодательством преодолел административные и политические обязательства по применению «принципа целостности территории» в отношении как АзССР, так и в последствии к СССР – в связи с его распадом» [8].

Принципы и нормы международного права, закрепленные в международных конвенциях, имеют универсальный характер. Само право по своей природе и определению является универсальным институтом, состоящим из норм, которые все подпадающие под их регулирование субъекты обязаны соблюдать и выполнять. Если политическое по своей природе весьма избирательно и может иметь двойное, а то и более широкое толкование, то правовые категории вносят элементы универсальности, единоподходности, а значит, выражают константу, в том числе и в международных отношениях. Утверждаемая правом константа жизненно необходима в нынешних противоречивых процессах внутри- и межгосударственного характера.

В условиях длительных межгосударственных конфликтов, например этнополитического свойства, ни один субъект международных отношений и международного права не имеет правовых оснований отказывать в следовании международным принципам и нормам другим субъектам, равным ему в качестве обладателей международных прав и обязанностей. Государства не равны по политическим, экономическим, военным и тому подобным другим критериям, но все они «одинаковы» в своем качестве субъектов международного права. Неприемлемо, когда политическая двустандартность распространяется на признание за одним субъектом международных отношений права на обоснование своей позиции с использованием международно-правовой аргументации, а другим субъектом отказывает в этом праве, заяв-

ляя, что конфликт должен быть урегулирован исключительно политическим путем. Почему, к примеру, за несколько лет до декларации независимости Косово и последовавшей за тем череды международного признания этой независимости, претензии албанских косоваров в международно-правовом ракурсе были абсолютно поддержаны со стороны все государств, которые в дальнейшем признали независимость Косово, а другие народы, стремящиеся к международно-правовому обоснованию права на построение собственной государственности, не удостоиваются подобного внимания? Международно-правовая аргументация албанских косоваров была представлена многочисленными докладами, информационно-аналитическими справками, другими публикациями местных и зарубежных специалистов, она всячески поддерживалась и в интеллектуальном, и в организационно-техническом плане со стороны тех международных акторов, которые ныне говорят, что карабахский конфликт – это конфликт, требующий исключительно политического решений. В качестве примера таких публикаций приведем весьма добротную в международно-правовом плане работу Д. Кумбаро (*Dajena Kumbaro*)¹ «Косовский кризис в перспективе международного права: самоопределение, территориальная целостность и интервенция НАТО» (*The Kosovo Crisis in an International Law Perspective: Self-Determination, Territorial Integrity and the NATO Intervention*), представленной в июне 2001 года в Бюро информации и прессы НАТО.

Очень бы не хотелось уподобление ведущих акторов международных отношений, крупнейших мировых держав, авторитарному Азербайджану, на самом высоком уровне не единожды отказывавшему в государственной независимости армянскому народу Нагорного Карабаха (Арцаха), оперируя одиозно ущербной аргументацией о невозможности существования двух армянских государственных, ибо «у армян уже есть своя страна». Одиозная ущербность рельефно представлена и в позиции, которая в одних случаях допускает и поддерживает оперирование международно-правовой аргументацией, а в других выбивает из-под ног молодых государств возможность отстаивать свою позицию на основе принципов и норм международного права.

Апрель, 2011г.

¹ Ныне занимает должность юридического консультанта судьи Конституционного Суда Республики Албания.

Источники и литература

1. *Рубен Заргарян*, Карабахская реконкиста // «Карабахский курьер» (информационно-аналитический бюллетень Представительства НКР в Москве), № 3(25), 2008.
2. *Барсегов Ю.Г.*, Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике (Комментарии к документам), Том II, М., «Мелихово», 2009, с. 398-399.
3. *Admission of a State to the United Nations (Charter, Art. 4)*, Advisory Opinion: I. C.J. Reports 1948.
4. *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)*, Judgment, I.C.J. Reports 1994, para. 45.
5. *Judgment of the Supreme Court of Canada Concerning Certain Questions Relating to the Secession of Quebec from Canada*, 1998, para. 130.
6. *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995, para. 29.
7. *Western Sahara, Advisory Opinion*, I.C.J. Reports 1975, paras. 54, 55, 58, 59, 62, 70.
8. *Проблема Нагорного Карабаха: пути урегулирования* // Сборник материалов парламентских слушаний 29–30 марта 2005, Национальное Собрание РА, Ереван, 2006.

INTERNATIONAL-LEGAL ANALYSIS OF BASELESSNESS OF THE CLAIMS OF AZERBAIJAN

Mikhail Aghajanyan

Resume

Even superficial analysis of the claims of the Azerbaijani Republic for the protection of its territorial integrity from Nagorno-Karabakh and Armenia shows the lameness of those claims from the point of view of international law.

Taking advantage of current absence of demand for the legal folder in the process of the Nagorno-Karabakh conflict settlement combined with the intense political nature of the conflict settlement set, among others, by the external powers, Azerbaijan is making efforts to present its claims on territorial integrity in the light of their correspondence to the international legal norms. The article provides two main reasons, according to which the Azerbaijani Republic has no grounds corresponding to the international law to refer to the violation of its territorial integrity. Among those reasons the author puts (1) aggression of Azerbaijan against the people of Nagorno-Karabakh and (2) refusal of the Azerbaijani Republic from the legal succession towards the Azerbaijani SSR. The last reason,

particularly, demonstrates that Azerbaijani Republic cannot claim for the protection of its territorial integrity as it has no valid title.

One of the main conclusions of this work is that the further setting of the conflict and legal fixation of the borders between the Nagorno-Karabakh Republic and Azerbaijani Republic under the international law should take place within the format of bilateral negotiations between two state formations which were formed on the territory of the former Azerbaijani SSR, i.e. the NKR and AR. This conclusion is based on the analysis presented in the work; it puts forward two provisions, which demand substantiation – territorial integrity of the Azerbaijani Republic cannot be considered violated in consequence of military aggression unleashed by that republic against the Armenian people of Nagorno-Karabakh (1) either from the point of view of international law, (2) or from the stance of the norms of the Soviet constitutional law which was applicable in the period of the state formation of the NKR and AR.